

Гуманитарная экспертиза трагедии на Немиге

Содержание

1. Метод гуманитарной экспертизы как наиболее адекватный для анализа трагедии на Немиге
2. Вред благих намерений: молодежная политика — источник выученной беспомощности или внутренней причинности
3. Вера в случайность или как избавиться от софизмов: анализ причинно-следственных связей
4. Немига — пример последствий, порожденных психологией толпы, созревшей по классическому сценарию
5. Возможности предотвращения трагедии
6. Психологические защиты от реальности, разворачивающиеся в период после трагедии
7. Реакции, отражающие гражданскую зрелость

1. Метод гуманитарной экспертизы как наиболее адекватный для анализа трагедии на Немиге

Трагедия на Немиге, всколыхнувшая не только всех жителей Белоруссии, требует серьезного изучения и экспертизы со стороны специалистов различных групп. Психологи в этих целях могут воспользоваться уникальным методом гуманитарной экспертизы.

Данный метод был разработан и впервые использован профессором А.Харашем (Москва) для анализа социально-психологических последствий аварии на Чернобыльской АЭС в течение 1987 и последующих годов. Это были заочные исследования, проводившиеся с июня по октябрь 1986 г. в зоне катастрофы на ЧАЭС на предмет выявления форм психологической помощи пострадавшему населению. В дальнейшем этот же метод использовался группой исследователей под руководством А.Хараша для масштабного изучения жизни и нужд переселенцев. Основным критерием была спонтанность и жизненная достоверность результатов, способствующая выработке адекватной стратегии практической работы с пострадавшими. Сам метод, его осмысление развивались в процессе работы, и современное понимание гуманитарной экспертизы основано в первую очередь на понимании целей, которые достигаются благодаря данному методу. «Целью гуманитарной экспертизы является обобщенная оценка последствий, которые имеет или может иметь для человека (для населения, той или иной социальной группы) то или иное событие, случившееся в прошлом (далеком или недавнем), происходящее в настоящее время либо потенциально возможное в обозримом будущем. Это может быть тот или иной природный катаклизм ..., техногенная катастрофа ..., вооруженный конфликт, экономический кризис, дисфункция политической системы и т. д. Это

может быть внедрение... проектов, решений... в сфере управления, образования, экономики, социального обеспечения.»(А.Хараш. Гуманитарная экспертиза в экстремальных ситуациях: идеология, методология, процедура \Введение в практическую социальную психологию. — М., 1996, с. 101).

Объективная необходимость в проведении гуманитарной экспертизы возникает в случае, когда человек и социальные институты, ответственные за его жизнеобеспечение, сталкиваются с проблемной, критической ситуацией, с дилеммой, не разрешимой известными ранее стандартными методами. Гуманитарная экспертиза предполагает под собой формулировку альтернативных решений и сценариев выхода из кризисной ситуации. Часто это осуществляется в категориях, отличных от обыденных. По словам автора, ближайшим прогнозом гуманитарной экспертизы может служить образ мыслей и поведение человека.

По А.Харашу, проведение гуманитарной экспертизы требует разведения понятий «социального заказа» и «массового запроса». Социальный заказ сводит социальное к государственному и в этом смысле не дифференцирует общественные потребности, ставя знак равенства между социальным заказом и общественными потребностями. В то же время «массовый запрос» — это лишь упрощенная обыденная интерпретация актуальной общественной потребности. В экстремальной ситуации «органы управления в оценке риска ориентированы, как правило, на интересы ведомств и государственных институтов, тогда как население руководствуется восприятием реальности (которое, впрочем, тоже может отличаться разной степенью адекватности).» (А.Хараш, там же, с.108).

Целью гуманитарной экспертизы трагедии 30 мая на Немиге должна стать обобщенная социально-психологическая (не политическая, не медико-психологическая, не правовая, которые осуществлялись в множестве и были очень противоречивы) оценка причин и последствий произошедшего.

Прежде стоит определить проблемное поле данной экспертизы. Ее предметом должны быть устойчивые глубинные образования мотивационной сферы человека, в наименьшей мере подверженные изменениям под влиянием среды, но являющиеся генетически исходными причинами происходящих явлений. Именно анализ мотивационной сферы позволяет определить ключевые направления динамики, в которых нуждается общественное сознание. В конкретном случае сознание, определяющее молодежную политику, яростное несогласие с этой политикой и активность самой молодежи. Проблемное поле включает: реальные причины, которые привели к трагедии, психологическое состояние различных групп людей (участников трагедии, людей, потерявших своих близких и в том числе непрямых, но близко переживающих трагедию, людей, отвечавших за организацию и охрану праздника), стереотипы мышления разных групп людей (милиции, представителей власти, оппозиции и т. д.).

Таким образом, фактологическими источниками и одновременно эмпирическим материалом экспертизы были: результаты индивидуального консультирования жертв трагедии, беседы со свидетелями и окружающими, активно обсуждавшими трагедию; комментарии журналистов и специалистов в СМИ; редакционная почта; действия и заявления всех прямых или косвенных участников трагедии; слухи, распространяющиеся в период после трагедии. В данной статье мы приводим не только результаты гуманитарной экспертизы, но и их интерпретацию, комментарии.

2. Вред благих намерений: молодежная политика — источник выученной беспомощности или внутренней причинности

Необходимость обратиться к такой, на первый взгляд отдаленной проблеме, как формирование и развитие у молодежи внутренней причинности (интернального локуса контроля) в деятельности побуждается тем, что реакция толпы — это в первую очередь реакция на деиндивидуализацию человека, потерю чувства самоидентичности. Подобная реакция, являясь врожденной, проявляется как психологическая защита в ответ на угрожающие самости изменения во внешней среде. К подобным изменениям в социуме, которые мы наблюдаем сегодня в Белоруссии, можно отнести: значительное усложнение экономических условий, общая социально-экономическая нестабильность, безработица, потеря идеалов и жизненных ориентиров, в которых остро нуждается человек на этапе личностного роста и становления в юношеском возрасте. В этой связи весь комплекс мер, предпринимаемых правительством в области молодежной политики требует пристального внимания и анализа с точки зрения отдаленных социально-психологических последствий.

Наши действия приводят не только к прямому результату, на который мы рассчитывали, но и к разнообразным косвенным последствиям, которых первоначально, в силу ограниченности и самоуверенности, не усматривали и которые ставят нас перед новыми неожиданными и более сложными проблемами. Так, именно молодежь подвержена развитию тенденции «выученной беспомощности», мотивационного вакуума и иждивенческих ожиданий «манны небесной». Эти тенденции значительно усиливаются, когда у старшего поколения присутствует родительский комплекс «подстелить травку», вызывающий неизбежные манипуляции в отношении молодежи. Юношеский возраст сензитивен, т. е. чувствителен к формированию причинных схем и жизненных сценариев. От формирования установок в отношении источников и причин успехов и неудач зависят направления и в целом жизненная активность человека. Для этого возраста очень важно формирование действенной установки: «Только я сам являюсь источником и причиной своих успехов и неудач в жизни. Стечение обстоятельств, невезение — это то, что я могу и должен предвидеть и предотвратить. Все мои замыслы могут воплотиться в жизнь и это зависит только от меня».

В этом смысле во многом реакция старшего поколения на трагедию 30 мая — типичный плохой урок, который часто преподносят своим детям плохие родители, урок самооправдания, закрепляющий негативную жизненную установку: «Я не могу влиять на успехи или неудачи в моей жизни, потому что слишком многое зависит от обстоятельств, которые нельзя предвидеть. Все мои замыслы могут разрушиться волей случая».

Молодежная политика — яркий пример политики «благих намерений». Попытка облегчить проблемы и жизнь молодежи в действительности остается попыткой. Помимо благих намерений в принятии решений должны присутствовать знания и анализ. Лелеяние благих намерений — в высшей степени несложная умственная операция. Более того, они опасны, т.к. порождают самоуверенность, чувство непогрешимости и бескомпромиссность, заглушают угрызения совести. Следствием чего являются сверхбдительность в отношении оппонентов и сверхсамооправдание в отношении себя. Самоуверенность в правоте, тенденция подавлять другие точки зрения приводит к тому, что самые благие намерения оборачиваются крахом.

Все, начиная от устроителей праздника, заверяли общественность в собственных благих намерениях, что не позволило рационально проанализировать все причины трагедии, а свело их к иррациональным психологическим защитам за «роковой случайностью, стечением обстоятельств».

3. Вера в случайность или как избавиться от софизмов: анализ причинно-следственных связей

Случайность — форма проявления необходимости, к которой закономерно привели определенные последовательные события. Попытка объяснить все стечением обстоятельств отражает лишь нашу неспособность проанализировать ситуацию и дать ей рациональное объяснение.

В действительности же, все произошедшее на Немиге в тот день понятно и объяснимо с позиции социально-психологического анализа. Если внимательно проследить события, задолго предшествовавшие трагедии и происходящие в день трагедии, то все выстраивается в логически объяснимую причинно-следственную цепочку.

Психологические ловушки в мышлении профессионалов, отвечающих за охрану порядка:

1. Психологи во многих ситуациях фиксируют групповой сдвиг к риску, порождающий беспечность, в нашем случае преступную беспечность людей, отвечавших за безопасность других. Сдвиг к риску заключается в переоценке человеком или группой людей способности держать события под контролем. Примером могут быть нарушения техники безопасности, которые ранее не приводили к отрицательным результатам и в очередной раз нарушались с большей силой; увеличение дозы наркотиков, приводящее к наркомании и т. д. Человек теряет ощущение грани, за которой пропасть — неминуемая трагедия. В данном случае одной из причин могут быть уже ставшие системой устраиваемые праздники, организация охраны порядка на которых была далеко не соответствующей требованиям ситуации. Более того, праздников, которые стимулировали реакцию толпы и самые низменные человеческие реакции. Все обошлось без особых проблем и порождало субъективную уверенность в том, что все так и должно быть. А тревогу должны были вызывать все более и более увеличивающиеся горы мусора и бутылок после таких праздников, пьяных толп, возраст которых все более уменьшался, а степень опьянения увеличивалась.

Особое внимание должны вызывать организация и охрана именно молодежных мероприятий. Юношеский возраст отличается высокой степенью и стремлением к эмансипации, самоутверждению, что на подобных массовых праздниках вызывает не всегда адекватные действия и поступки молодежи. Неспособность рационально соотнести степень свободы и меру ответственности за свое поведение в силу недостаточности опыта и незрелости мотивации, реакция некритичного подражания взрослым формам поведения и одновременная реакция протеста старшему поколению также порождают сдвиг к риску у групп молодежи. И в данном случае мы имеем феномен стечения с одной стороны сдвига к рискованной беспечности у служб охраны, с другой — сдвиг к риску в молодежных группах.

2. Это и есть вторая ловушка — психологический «синдром наркомана», полагающего, что ничего еще не случилось, да и не может случиться, а человек уже летит в пропасть зависимости. Действуют так называемые экспонентные процессы, когда на первый взгляд незначительные изменения ведут к лавинообразным сдвигам. Не учитываются проблемы, отсутствующие в данный момент — это и есть корень зла. Поведение в проблемной ситуации требует не столько ориентации на имеющиеся проблемы, сколько предвидения и предупреждения обостряющихся проблем в будущем.

Профессионал в ситуации на Немиге должен был видеть изменения в состоянии толпы людей, которые предвещали трагедию, и предупредить ее своими действиями. Тривиально, но факт — бороться со стихией труднее, чем предотвратить заранее ее наступление. По свидетельствам очевидцев, участников трагедии, в тот вечер напряжение нарастало. Оно разжигалось не только веселой музыкой, запредельной плотностью толпы, пивом, которое все-таки присутствовало на празднике. Напряжение усиливалось еще и тем, что участники толпы — молодежь, более всего импульсивная и подверженная эмоциональному заражению. Относительная степень рациональности, критичности, независимости мышления взрослого человека существенно выше. На вопрос «Почему Вы решили пойти на праздник?» большинство отвечало «С друзьями за компанию», «Я знала, что туда собираются многие мои сверстники. Там будет весело». На вопрос «Почему Вы бежали?» следовал самый распространенный ответ: «Бежали все». В дополнение ко всему, любой профессионал понимает, что реакции в толпе не просто передаются, но и индуцируются. И на определенном этапе, когда ситуация упущена, это приобретает характер неконтролируемой необратимой реакции.

3. Возникает ловушка и в следствие все более увеличивающейся свободы и полномочий (ее причины — объективное увеличение информированности, знаний, либо субъективная переоценка этого же) и отстающей ответственности, я бы сказала социального интеллекта, способности понять и усмотреть тесную взаимозависимость всего и всех в этом хрупком мире.
4. Ловушка неколлегиальности принимаемых решений. Особенно усиливаются эти ловушки в силовых структурах. Есть опасность, их проникновения и в гуманитарную сферу. Человек не способен в силу ограниченности своего восприятия предвидеть все последствия и усматривать весь спектр проблем. Необходима настроенность на совместные решения. Это требует предложения гипотез, альтернативных решений, а не продуцирования «неопровержимых истин».

Чем выше чувство компетентности, тем больше у человека ощущение, что он «на верном пути». Это обуславливает «нечувствительность к реальности», уход от реальности в глубокие психологические защиты. В проблемных ситуациях человек склонен подменять действительное положение вещей упрощенными моделями, создающими иллюзию компетентности. В действительности опыт показывает, что в сложной ситуации главное не справиться с ней, а понять ее. Осознание проблемы, ее генетических корней — это большая часть решения самой проблемы. Осознание требует пересмотра своих первоначальных позиций и, что особенно болезненно, усомнения в собственной самооценке.

4. Немига — пример последствий, порожденных психологией толпы, созревшей по классическому сценарию

Не вызывает сомнений, что все произошедшее явилось результатом естественной реакции толпы, в которой оказались молодые люди.

Чувство толпы возникает закономерно при любом бесструктурном скоплении людей. Пересекаются личностные пространства людей, вследствие чего человек теряет ощущение своего Я, своей индивидуальности и сливается с толпой. Толпа становится единым организмом, который живет и развивается по своим внутренним законам. Все участники трагедии, описывая свое состояние до случившегося пользовались местоимением «Мы»:

- «Мы веселились»,
- «Мы бежали»,
- «Нам было больно, страшно».

Чувство толпы всегда заполняет пустоту нивелированной индивидуальности. Подавление индивидуальности, особенно в юношеском возрасте — возрасте обострения потребности в самовыражении, самоутверждении, ощущении своей непохожести, порождает развитие патологического конформизма.

При этом необходимо отметить, что люди, собравшиеся на митинг протеста, другую акцию отличаются внутренним психологическим состоянием, настройкой, с которой они приходят сюда. Действительно, в последнее время, особенно при подготовке Указа о порядке проведения массовых мероприятий, обсуждался вопрос: «Почему на политических митингах менее вероятны беспорядки, связанные с паникой толпы?» Это обусловлено тем, что приходящие на подобные мероприятия менее всего подвержены реакциям паники, конформизму, потери самоидентичности, т.к. ими движет внутренняя причинность, потребность в самовыражении и самоутверждении, а это «неблагодатная» почва для выше указанных реакций. Скорее здесь можно наблюдать произвольные или внешне спровоцированные акты массовой агрессии.

Первыми внешними признаками нарастающей толпы в тот вечер были большое скопление молодых людей, возбужденных и шумных, подверженных эмоциональному заражению. В толпе присутствует удивительный эффект эмоционального заражения, когда первый случайный порыв одного неосознанно подхватывается всеми. Возможности логического анализа, критической оценки снижаются, заменяются крайним конформизмом. В этом состоянии толпой легко манипулировать и все ее участники легко внушаемы. Стоит напомнить, что эти состояния преднамеренно могут провоцироваться в определенных целях (верующие на службе в церкви, костеле, митинги, парады в известные времена). В состоянии толпы человек сильнее всего усваивает лозунги, призывы, установки и тому подобные увещевания и заклинания. Играть на чувствах толпы опасно, ибо нет никакой гарантии в том, заражению какой реакцией подвергнется толпа. На Немиге, если анализировать самоописания переживаний участников, это были как минимум три циркулярные реакции:

1. Реакция ажиотажного интереса к заранее объявленному и разрекламированному событию. Молодые люди шли на праздник с заранее сформированными ожиданиями, возбужденные этими ожиданиями.
2. Реакция массового радостного возбуждения. Объяснения здесь излишни.
3. Реакция массовой паники — состояние страха перед воображаемой опасностью — грозой. Этой реакции подверглась первая волна бегущей толпы. По воспоминаниям некоторых участников в толпе распространился слух, что кто-то погиб от раскатов грома. Отмечается субъективное усиление болевых ощущений от града. В это время волна, задержавшаяся и набегавшая позже продолжала пребывать в состоянии второй реакции. По свидетельствам участников, они полагали, «что народ прикалывается, шутит», и «поддерживали это веселье».
4. Реакция беспомощности. Возникла «у тех, кто там лежал» как ощущение неспособности изменить ситуацию, влиять на нее. Вслед за ней возвращалось ощущение собственного Я, самоидентичность. Так, в самоописания снова возвращается местоимение «Я»:
 - «Я поняла, что мне никто не может помочь»,
 - «Я просила бога о помощи»,
 - «Мне было страшно»,
 - «Мне не было страшно, потому что страх заглушала боль».

Необходимо также привести классификатор факторов тревоги, возникшей в результате трагедии у ее жертв, близких пострадавших и в целом жителей, которых всколыхнула трагедия.

Классификатор факторов тревоги после трагедии на Немиге

Поиск смысла трагедии	Понимание безвинности жертв Переживание гибели нереализованных молодых людей поиск смысла в проводимом мероприятии поиск смысла в посещении мероприятия ощущение несоизмеримости проводимого мероприятия с бесценностью жизни человека
Социальная справедливость:	переживание несправедливости произошедшего несогласие с безнаказанностью «ответственных» убежденность в необходимости наказания ответственных
Социальная депривация:	чувство собственной вины за произошедшее страх отвержения другими людьми ощущение покинутости, невнимания к себе со стороны окружающих ощущение себя жертвой манипуляции, обмана
Власти:	общее недоверие к власти или конкретным лицам ощущение неискренности властей или конкретных лиц расценивание действий властей как попытки откупиться недовольство отсутствием реальных необходимых в данной ситуации мер
Информация:	недостоверность, недостаточность информации искаженная информация (слухи, безответственные заявления в СМИ) противоречивость информации в различных

	источниках
Здоровье:	опасения за последствия для физического здоровья опасения за последствия для психического здоровья ощущения физической боли, усиливаемые внушаемостью страхи дифференцированные и недифференцированные
Медицинское обслуживание:	сомнения в возможностях правильно диагностировать угрожающие последствия для здоровья сомнения в возможностях получить нужную медицинскую помощь

5. Возможности предотвращения трагедии

Методики организации массовых празднеств и мероприятий во всем мире предполагают определенные алгоритмы предупреждения реакций толпы и управления толпой в случае их возникновения. Молодежные мероприятия организуются с дополнительными мерами предупреждения беспорядков.

Во-первых, организация предусматривает структуризацию массы людей, преодоление скученности, пересечения личностных пространств. Для этого используются специальные подразделения, которые должны, при необходимости, следовать за перемещениями толпы. Кроме профессионалов в массе могут находиться так называемые «антипаники» — это валантеры (добровольцы) в ярких выделяющихся одеждах с мегафонами, способные в любой момент привлечь внимание и взять инициативу на себя. Выбор места мероприятия происходит также по определенной логике для предотвращения заторов и т. п.

При возникновении угрожающих безопасности людей реакций важно, учитывая психологию толпы, методично осуществить заранее продуманные и подготовленные действия:

1. Отвлечь внимание толпы от источника реакции. Это обычно достигается внезапно зазвучавшей громкой музыкой, легко узнаваемым голосом знаменитости, гимном страны, вспышкой, даже выстрелом. В этот момент толпа погружается в аморфное подвешенное состояние, замирает на доли секунды.
2. Именно в эти секунды у профессионала появляется шанс переключить внимание на себя и захватить инициативу, взять управление толпой под контроль. В противоположном случае толпа подвергается случайному порыву любого человека.

6. Психологические защиты от реальности, разворачивающиеся в период после трагедии

После случившегося развернулся «широкий полигон» для возникновения массовых и индивидуальных реакций на трагедию, которые во многом подогревались отсутствием грамотного профессионального анализа и объяснения ситуации. Приводим самые

распространенные из них, подчеркивая, что все эти реакции являются неконструктивным результатом психологических защит, иллюзорного ухода от реальности.

Агрессивность возникала у всех категорий (по причастности к трагедии). Ее объектами были сотрудники милиции, организаторы праздника, сама молодежь, обвиняемая в безкультурии, Президент, оппозиция, сотрудники метрополитена и т. д.

Цинизм. Беспомощность перед ситуацией порождает еще и цинизм. В прессе появились редкие материалы (а в обсуждении среди людей они были более распространены) о том, что общая статистика погибших при автокатастрофах значительно выше, выше и число утонувших в конце летнего сезона, так что эта трагедия лишь незначительно увеличивает традиционную статистику. И непонятно, почему выплачиваются такие компенсации, что обязательно найдутся люди, которые на этом будут наживать. Были публикации с обвинениями в адрес неправильного выбора обуви девушками для подобных мероприятий, в их стремлении к сексопильности и т. п.

Уход. Уход от проблем в решение других, на взгляд человека более глобальных. Эта реакция встречалась у участников и близких погибших, у представителей власти и ответственных лиц.

Слухи. Возникали как результат недостатка информации и «раздувания» незначительных данных (о количестве погибших, о количестве и состоянии молодых людей, находящихся в реанимации и т. п.). Речь идет не столько о недостатке информации, сколько о неудовлетворительной организации ее потоков. Так, во всех СМИ недостаточно уделялось внимание комментариям и оценкам специалистов, свидетельствам участников и очевидцев трагедии, самим организаторам и ответственным за охрану праздника. Т.е. для предотвращения слухов важно не столько количество информации, а доверие к ее источнику.

Группирование. Эта реакция присуща молодежи независимо от их причастности к произошедшему. Мы наблюдали и наблюдаем эту реакцию на месте трагедии, куда продолжают приходить молодые люди. Они нуждаются в этом для того, что бы пережить боль, в том числе и для ощущения собственной способности к состраданию. У многих сильна идентификация с жертвами.

7. Реакции, отражающие гражданскую зрелость

На общем фоне усиливающихся реакций толпы на последствия трагедии остались почти незамеченными те, которые являются признаком гражданской зрелости ее носителей.

Могут возникать вопросы о мотивах поведения родителей погибших молодых людей. Безусловно, это глубоко внутренние, скрытые от стороннего наблюдателя мотивы. И трудно представить себе даже попытку интервьюировать этих людей, глубина трагедии которых делает ее кощунственной. Но в ряду потребностей, движущих их поведением ярко выделяются потребность в социальной справедливости и предупреждении повторения подобного. Эти люди сегодня не остаются в одиночестве в своем протесте, их поддерживают общественные движения, специалисты, в том числе и в МВД. Но попытка «замолчать» их действия со стороны

официальных органов может приравняться к очередной нивелировке даже самых очевидных тенденций, продиктованных внутренней причинностью, несогласием, проявлением индивидуальной позиции, не совпадающей с общепризнанной. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что основным источником динамики системы, в данном случае социальной (государственной в контексте), являются естественные противоречия. Это экологический принцип развития, признанный не только в системном и синергетическом подходах, но и принцип диалектического материализма, очевидно вызывающего большее доверие в определенных кругах. Нарушение подобных законов социальной природы чревато отдаленными и ближайшими, зачастую неожиданными социально-психологическими последствиями, но легко прогнозируемыми с точки зрения специалистов.

Все названные реакции закономерны и являются, с одной стороны (реакции защиты), отражением потребности человека найти причины трагедии, оправдать собственные действия, защитить себя от тяжелых переживаний, с другой (реакции зрелые) — реализацией потребности в социальной справедливости, ответственности в том числе и перед будущими поколениями.

В психологии есть понятие незавершенности гештальта. Немига — пример незавершенного гештальта, который тяжелым бременем останется на сердце. Важно понять, что эта трагедия является серьезным предостережением в будущем против легкомысленного отношения к глубинным психическим процессам, которые детерминируются непродуманными действиями. Хотим мы этого или нет, но нам придется мыслить в понятиях глобальных социально-психологических взаимозависимостей. Опасно играть с огнем деиндивидуализации человека, подавления инакомыслия, навязывания «единственно верных решений», отсутствие самокритичности и сомнений в собственной правоте. Все это звенья одной неразрывной цепи.